

Н. П. Глиноецкий

**История Русского
генерального штаба**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. П. Глиноецкий**
История Русского генерального штаба: Том 2 / Н. П. Глиноецкий – М.: Книга по Требованию, 2013. – 290 с.

ISBN 978-5-458-23637-9

Во втором томе, двухтомного издания, книги описывается история русско-го генерального штаба в период 1826-1855 гг. Военные миссии в Персию и в Константинополь, участие генерального штаба в Польской войне 1830-1831 гг., Внутренний быт Императорской Военной Академии, участие генерального штаба в военных действиях на Кавказе, и другие сведения.

ISBN 978-5-458-23637-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Глава XII. (1826—1830 г.г.).

стр.

Значеніе для квартирмейстерскаго вѣдомства событій, ознаменовавшихъ вступленіе на престолъ Императора Николая.

Генераль-квартирмейстеръ графъ Сухтеленъ 2-й. Упраздненіе училища Колоновозацкихъ и первыя предположенія о замѣнѣ его другимъ учрежденіемъ. Переименованіе свиты Его Величества по квартирмейстерской части въ Генеральный Штабъ.

Военныя миссіи въ Персію и въ Константинополь. Составъ и участіе Генеральнаго Штаба въ войнахъ: Персидской 1827 — 1828 г.г. и Турецкой — 1828 — 1829 г.г.

1

Глава XIII.

Назначеніе генераль-адъютанта Нейдгарта 2-го генераль-квартирмейстеромъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества. Составъ Генеральнаго Штаба при войскахъ, предназначенныхъ для дѣйствій въ Царствѣ Польскомъ. Участіе Генеральнаго Штаба въ Польской войнѣ 1830—1831 г.г.

48

Глава XIV.

Занятія коммисіи, Высочайше учрежденной въ 1829 году по составленію проекта высшаго военно-учебнаго заведенія для комплектованія Генеральнаго Штаба. Выработанный ею уставъ Императорской Военной Академіи. Открытіе Академіи 26-го Ноября 1832 года. Составъ въ ней административной и учебной части и первоначальное распредѣленіе годовыхъ и ежедневныхъ занятій.

77

Глава XV.

Внутренній бытъ Императорской Военной Академіи и состояніе въ ней учебной части за время съ 1832 по 1852 г.г.

Мѣры, принимаемыя въ этотъ періодъ, для обезпеченія комплектованія Академіи обучающимися офицерами

100

Глава XVI.

Управлявшіе Генеральнымъ Штабомъ въ періодъ съ 1832 — 1855 годъ: генераль-адъютантъ Нейдартъ, генераль-лейтенантъ Шубертъ и генераль-адъютантъ Бергъ. Дѣятельность ихъ: по устройству Генеральнаго Штаба: штаты Генеральному Штабу 1832., департаменту онаго 1836 г. и военно-топографическому депо 1841 г.; постоянный комплектъ Генеральнаго Штаба и усиленіе корпуса топографовъ. Безсрочные отпуска. Оклады содержанія Генеральнаго Штаба и измѣненія въ обмундированіи

СТР.

189

Глава XVII.

Занятія и служба Генеральнаго Штаба при войскахъ съ 1823 по 1853 годъ; преобладаніе смотровыхъ условій; значеніе Гвардейскаго Генеральнаго Штаба. Практическіе полевые походы и военная игра. Участіе Генеральнаго Штаба этого періода въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ; наиболѣе выдающіяся при этомъ личности: Н. И. Горскій, Н. И. Вольфъ, Д. А. Милютинъ, Б. К. Шульцъ, Р. К. Фрейтагъ, Д. В. Пассекъ, П. Е. Коцебу, А. К. Вранкенъ, графъ Ф. Л. Гейденъ и другіе

187

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Къ главѣ XII	267
XIII	271
XIV	273
XV	276
XVI	278
XVII	283

ГЛАВА XII.

(1826—1830 гг.).

Значеніе для квартирмейстерскаго вѣдомства событій, ознаменованныхъ вступленіемъ на престолъ Императора Николая.

Генераль - квартирмейстеръ графъ Сухтеленъ 2. Упраздненіе училища Колоновожатыхъ и первыя предположенія о замѣнѣ его другимъ учрежденіемъ. Переименованіе Свиты Его Величества по квартирмейстерской части въ генеральный штабъ.

Военныя миссіи въ Персію и въ Константинополь.—Составъ и участіе генеральнаго штаба въ войнахъ: Персидской 1827—1828 гг. и Турецкой—1828—1829 гг.

Тягостны и печальны были для квартирмейстерскаго вѣдомства послѣдніе дни 1825 и начало 1826 года. Вступленіе на престолъ новаго императора ознаменовано было извѣстными беспорядками, въ которыхъ главную роль играли военные, а въ ихъ числѣ по преимуществу лица, занимавшія штабныя должности. Немедленно послѣ происшествія 14-го Декабря на Сенатской площади, начались усиленные аресты, которымъ подверглись и многіе чины квартирмейстерской части; вслѣдъ за тѣмъ въ Петербургъ пришли смутныя слухи о какомъ-то возстаніи войскъ на югѣ Россіи, во главѣ котораго стояли Муравьевы. При тайнственности, которою было окружено на первыхъ порахъ разслѣдованіе дѣйствій тайныхъ обществъ, народная молва, преувеличивая совершившіеся факты, совершенно искажала ихъ. Въ народѣ и даже въ военномъ обществѣ происшедшія событія представлялись чѣмъ-то необыкновеннымъ, ужаснымъ, причемъ чуть не главная роль выпадала на квартирмейстерское вѣдомство и на тѣсно съ нимъ связанную фамилію Муравьевыхъ. Слухи носились, что Муравьевы являются учредителями тайныхъ обществъ, составителями для нихъ уставовъ,

что ими произведено военное возстаніе въ Кіевской губерніи, что въ колоновожатыхъ, въ квартирмейстерскихъ офицерахъ, они имѣли надежныхъ помощниковъ, которыхъ заблаговременно искуснымъ образомъ къ тому подготовляли. Судебное изслѣдованіе показалъ неосновательность этихъ слуховъ и доказало, что хотя отдѣльныя лица изъ квартирмейстерскаго вѣдомства и были замѣшаны въ преступныя дѣянія, тѣмъ не менѣе самая степень преступности этихъ лицъ оказалась далеко не столь значительною, какъ разнесла о томъ первоначальная молва.

При первоначальныхъ послѣ 14-го Декабря дознаніяхъ Высочайше учрежденной слѣдственной комисіи, арестовано было около двадцати офицеровъ, состоявшихъ на службѣ въ Свѣтъ Ея Величества по квартирмейстерской части, а также и нѣсколько лицъ, принадлежавшихъ къ этому же вѣдомству по прежней своей службѣ. Въ числѣ послѣднихъ были между прочими лица близкіе къ Н. Н. Муравьеву и къ его Московскому училищу; такъ, были арестованы два его сына—Александръ и Михаилъ, находившіеся въ то время въ отставкѣ, Колошинъ, Бурцовъ. Однако повинности многихъ изъ арестованныхъ не замедлила выказаться и они постепенно были освобождаемы; въ числѣ послѣднихъ находился и М. Н. Муравьевъ, противъ котораго не было никакихъ серьезныхъ обвиненій, кромѣ того, что онъ основалъ тайное общество «Союзъ Благоденствія», которое, не имѣя политическаго значенія, предназначалось только для противодѣйствія заговору, во главѣ котораго стоялъ Пестель ¹⁾.

Въ числѣ 121 человекъ, окончательно признанныхъ виновными и подвергнутыхъ верховному уголовному суду, оказалось всего 16 офицеровъ квартирмейстерской части, изъ числа которыхъ только одинъ—Никита Алексѣевичъ Муравьевъ, служившій капитаномъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, былъ отнесенъ по суду къ числу преступниковъ перваго разряда, причемъ и ему, въ уваженіе полной откровенности и чистосердечнаго признанія, смертная казнь была замѣнена ссылкой на 20 лѣтъ въ каторжную работу; такому-же наказанію былъ подвергнутъ и поручикъ Крюковъ 2. Затѣмъ, изъ числа остальныхъ, трое были сосланы въ каторгу на 12 лѣтъ (Фаленбергъ, Корниловичъ и Бобрищевъ-Пушкинъ 2), четверо только на два года (Черкасовъ, Загорецкій, Аврамовъ,

Лихаревъ), трое сослано на поселеніе (Враницкій, Заикинъ, Бобрищевъ-Пушкинъ 1) и одинъ рядовымъ въ дальніе гарнизоны безъ выслуги (графъ Коновницынъ); всѣ тринадцать съ лишеніемъ чиновъ и дворянства; наконецъ, двое (подпоручикъ Искрицкій и прапорщикъ Палицынъ), по выдержаніи въ крѣпости, переведены тѣми-же чинами въ гарнизонные баталіоны. Всѣ эти пятнадцать лицъ принимали весьма пассивное участіе въ тайныхъ обществахъ и особенно въ декабрьскомъ происшествіи, будучи увлечены вліяніемъ на нихъ Пестелю; между ними только трое имѣли свыше 30 лѣтъ (Враницкій—40, Никита Муравьевъ и Фаленбергъ по 33), двое свыше 25 (Корниловичъ и Загорецкій), а изъ остальныхъ десяти двое (Палицынъ и графъ Коновницынъ) едва достигали 18 лѣтняго возраста. Нельзя не обратить вниманія также на то, что ни одинъ изъ этихъ офицеровъ не принималъ участія въ открытомъ возстаніи на Сенатской площади; въ возстаніи-же Черниговскаго пѣхотнаго полка, предводимаго Сергѣемъ Муравьевымъ Апостоломъ, участвовалъ одинъ офицеръ квартирмейстерской части, 18 лѣтній, только что произведенный въ офицеры, Ишолитъ Муравьевъ-Апостолъ, который, по однимъ извѣстіямъ, былъ убитъ въ дѣлѣ подь Королевскою, по другимъ-же самъ застрѣлился изъ пистолета, видя, что братъ его раненъ и общее дѣло ихъ окончательно проиграно. Юноша этотъ не могъ, конечно, имѣть никакого вліянія на войска, къ которымъ прибылъ лишь за нѣсколько дней до возстанія, единственно изъ братской любви, чтобы раздѣлить съ братьями своими—Сергѣемъ и Матвѣемъ, опасное ихъ положеніе. Кромѣ этихъ чиновъ, по суду, производившемуся при 2 арміи, Свѣты Его Величества по квартирмейстерской части поручикъ Лачиновъ разжалованъ въ рядовые съ лишеніемъ чиновъ и дворянства за то, что, зная о существовавшемъ заговорѣ, не донесъ о томъ.

Независимо отъ названныхъ офицеровъ квартирмейстерской части, въ списокѣ осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ находимъ еще четырехъ лицъ, которыя по прежней своей службѣ принадлежали этому вѣдомству, а именно: отставнаго полковника Александра Николаевича Муравьева, Петра Муханова (штабсъ-капитана Л.-гв. Измайловскаго полка), графа Захарія Чернышева (ротмистра Кавалергардскаго полка) и Николая Басаргина (пору-

чика Л.-гв. Егерскаго полка, состоявшаго въ должности старшаго адъютанта главнаго штаба 2-й арміи). Последніе трое служили колоновожатыми и воспитывались въ Московскомъ учебномъ заведеніи, а первый служилъ въ квартирмейстерской части до чина полковника. Всѣ они были подвергнуты наказанію въ слабой степени, а А. Муравьевъ сосланъ въ Сибирь на жительство даже безъ лишенія чиновъ и дворянства, а черезъ три года принятъ въ гражданскую службу и изъ всѣхъ декабристовъ былъ единственнымъ, которому снова возвращенъ мундиръ квартирмейстерской части, переводомъ его въ 1851 году въ генеральный штабъ ²⁾).

Всего, такимъ образомъ, изъ служащихъ въ Свѣтъ по квартирмейстерской части было осуждено 16 человекъ, въ томъ числѣ 2 штабъ-офицера и 14 оберъ-офицеровъ; изъ числа послѣднихъ только двое въ чинахъ выше поручика, а 12 въ этомъ чинѣ и ниже его. Сравненіе этихъ цифръ съ тогдашней числительностію чиновъ квартирмейстерскаго вѣдомства показываетъ ³⁾, что изъ 58 штабъ-офицеровъ наличнаго состава было 2 осужденныхъ, а изъ 227 оберъ офицеровъ — 14, т. е. изъ первыхъ около 3½ процентовъ, а изъ вторыхъ мѣнѣе 7%. Если припомнить, что въ это-же время изъ гвардейскаго флотскаго экипажа было осуждено 10 офицеровъ, изъ Кавалергардскаго полка — 6, изъ Л.-гв. Измайловскаго и Финляндскаго по 5 изъ каждаго, то очевиднымъ станетъ, что процентъ участвовавшихъ въ заговорѣ изъ этихъ послѣднихъ частей будетъ несравненно выше, чѣмъ изъ чиновъ квартирмейстерскаго вѣдомства.

Отсюда видно, что ни по своей числительности въ средѣ заговорщиковъ, ни по своему особо выдающемуся значенію, чины квартирмейстерскаго вѣдомства не имѣли въ числѣ декабристовъ преобладающаго значенія, а между тѣмъ на это вѣдомство палъ съ 1825 года упрекъ, въ сожалѣнію слишкомъ долго державшійся въ нашемъ обществѣ, что именно квартирмейстерскіе офицеры, или какъ ихъ тогда чаще называли — свитскіе, были главными зачинщиками, руководителями и участниками волненій, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ Императора Николая. Изъ этого-же невѣрнаго въ своемъ основаніи мнѣнія получило начало и другое убѣжденіе, составившееся въ нашемъ обществѣ, а къ сожалѣнію нерѣдко раздѣляемое и военными начальниками, что

будто самый мундиръ генеральнаго штаба служить какъ-бы вѣвскою вольнодумства, какого-то анти-правительственнаго настроенія. Упрекъ этотъ ложится тѣмъ болѣе прискорбнымъ пятномъ на цѣлое вѣдомство, что онъ, во-первыхъ, не заслуженъ, а во-вторыхъ, разъ угоренившись, трудно изглаживается. Войсковая часть, утратившая знамя, покрывшая свой мундиръ позоромъ, можетъ легко загладить свою вину, смыть лежащее на ней пятно какимъ либо славнымъ отличіемъ, въ которомъ будутъ выдѣляться не личности, а коллективная единица, представляющая всю часть. Но корпусъ офицеровъ, разъ отмѣченный ложно направленнымъ общественнымъ мнѣніемъ, заподозрѣнный въ ненадежности, не легко можетъ снова возстановить свою репутацію, въ особенности, когда еще и обстоятельства сложатся почему либо неблагоприятно для него. Къ сожалѣнію, такъ и было послѣ 1825 года.

Происшествіе, случившееся въ Петербургѣ 14-го Декабря 1825 года, было полнѣйшей неожиданностію для жителей столицы; войска выведены были изъ казармъ по особымъ приказаніямъ, по штабы не трогались съ мѣстъ: Начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, барона Дибича, не было въ Петербургѣ; генераль-квартирмейстеръ Адеркасъ, по болѣзни, не выѣзжалъ изъ дому; многіе офицеры были въ отсутствіи изъ столицы, будучи уволены въ отпускъ; оставшіеся безъ приказанія генераль-квартирмейстера не считали для себя обязательнымъ явиться на площади. Вслѣдствіе того и произошло, что возлѣ новаго Императора почти вовсе не видно было квартирмейстерскихъ мундировъ, тѣмъ болѣе, что и немногіе выѣхавшіе (генераль-адъютантъ К. Ф. Толь, полковники: князь Андрей Михайловичъ Голицынъ 1 и Николай Дмитріевичъ Дурново 2)—были въ мундирахъ генераль-и флигель-адъютантовъ; только одинъ Начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, генераль-маіоръ А. И. Нейдгартъ 2, да гвардейскаго генеральнаго штаба подпоручикъ Траскинъ были въ мундирѣ квартирмейстерскаго вѣдомства. Уже этого одного обстоятельства достаточно было, чтобы повредить цѣлому вѣдомству. Затѣмъ, съ первыхъ-же арестовъ, послѣдовавшихъ за 14 Декабря, обнаружилось, что изъ квартирмейстерскаго вѣдомства по преимуществу участвовала въ заговорѣ молодежь, что въ числѣ участниковъ было четверо офицеровъ, занимавшихся преподаваніемъ въ

училищъ Колоновожатыхъ (Корниловичъ, Искрицкій, Палицынъ и графъ Коповницынъ). Этихъ двухъ фактовъ было достаточно для того, чтобы рѣшить въ принципѣ необходимость кореннаго преобразованія квартирмейстерскаго вѣдомства. Преобразование это, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно было исполнено и притомъ въ довольно рѣзкихъ чертахъ, измѣнившихъ названіе самаго вѣдомства, систему его комплектованія, самый составъ его, короче сказать—квартирмейстерское вѣдомство подверглось полному перестроенію, чего не было сдѣлано ни съ одной изъ частей войскъ, участвовавшихъ въ декабрьскомъ происшествіи.

Всѣ эти обстоятельства невольно содѣйствовали упроченію въ обществѣ нашемъ того приговора о квартирмейстерскомъ вѣдомствѣ или нынѣшнемъ генеральномъ штабѣ, который, разъ укоренившись, къ сожалѣнію, трудно было исторгнуть съ корнемъ. Приговоръ этотъ укоренился видимо вопреки желанія правительства, которое не предполагало виновность заговорщиковъ переносить на ихъ семьи, а, конечно, тѣмъ болѣе на ихъ сослуживцевъ. Самымъ лучшимъ образомъ это выражено въ манифестѣ Императора Николая, данномъ 13 Іюля 1826 года и служившемъ заключительнымъ словомъ о всѣхъ прискорбныхъ событіяхъ, ознаменовавшихъ начало новаго царствованія. «Наконецъ», сказано въ манифестѣ, «среди сихъ общихъ надеждъ и желаній, склоняемъ Мы особенное вниманіе на положеніе семействъ, отъ коихъ преступленіемъ отпали родственные ихъ члены. Во все продолженіе сего дѣла, сострадая искренно прискорбнымъ ихъ чувствамъ, Мы вмѣняемъ Себѣ долгомъ удостовѣрить ихъ, что, въ глазахъ Нашихъ, союзъ родства передаетъ потомству славу дѣлній, предками стяжанную, но не омрачаетъ безчестіемъ за личные пороки или преступленія. Да не дерзнетъ никто вмѣнять ихъ по родству кому-либо въ укоризну: сіе запрещаетъ законъ гражданскій и болѣе еще претитъ законъ христіанскій».

Эти великодушныя слова Великаго Монарха, высказанныя относительно семьи, вполне могутъ быть примѣнены и къ цѣлому вѣдомству, составляющему также семью служебную: и здѣсь также родство служебное должно бы передавать потомству славу дѣлній, предками стяжанную, но не омрачаться безчестіемъ за личные пороки или преступленія прошлаго.

Мысль о необходимости преобразования квартирмейстерскаго вѣдомства видимо занимала Императора Николая съ первыхъ дней его царствованія, но исполненіе по этому предмету замедлялось разными обстоятельствами. Болѣе важныя государственныя дѣла отвлекали отъ этого дѣла, да къ тому-же Государь видимо затруднился выборомъ лица, на которое возможно было-бы возложить разработку Высочайшихъ указаній и приведеніе ихъ въ исполненіе. Генераль-квартирмейстеръ Адеркасъ почти постоянно былъ боленъ, а замѣстить его было некъмъ, такъ какъ изъ числа 33 генераловъ тогдашняго квартирмейстерскаго вѣдомства, одни занимали мѣста, съ которыхъ неудобно было ихъ смѣщать, другіе же были уже въ лѣтахъ, или-же, принадлежа по своему прошедшему болѣе наукѣ и кабинетнымъ занятіямъ, чѣмъ строю и практической жизни, признавались не подходящими къ новымъ требованіямъ.

Въ чѣмъ-же, однако, заключались эти новыя требованія? Различныя указанія дозволяютъ дать на этотъ вопросъ довольно положительный отвѣтъ.

Главнымъ упрекомъ противъ квартирмейстерскаго вѣдомства является то, что въ составъ его входили чины слишкомъ молодыя, что они мало были знакомы съ строевою службою, что въ этомъ вѣдомствѣ вообще дисциплина была въ упадкѣ, что, наконецъ, для службы по квартирмейстерской части нужно болѣе высшее военное образованіе, чѣмъ то, которое было усваиваемо колонновожатыми. Все это выясняется изъ послѣдующихъ распоряженій по преобразованію квартирмейстерской части и становится понятнымъ, если принять во вниманіе тѣхъ лицъ, которыя по этому предмету были удостоены довѣріемъ Императора Николая. Лица эти были: генераль-адъютантъ баронъ Жюмини и начальникъ главнаго штаба Его Величества, генераль-адъютантъ баронъ Дибичъ. Оба они по прежней своей службѣ принадлежали генеральному штабу, хотя и были представителями двухъ совершенно разныхъ взглядовъ. Баронъ Жюмини, какъ ученый и теоретикъ, ставилъ на первое мѣсто успія военно-научныя познанія, считал ихъ крайне необходимыми для штабной службы вообще; онъ, какъ увидимъ ниже, имѣлъ значительное вліяніе на введеніе этихъ знаній въ кругъ предметовъ образованія офицеровъ нашего гене-

рального штаба. Баронъ же Дибичъ, какъ вышедшій изъ строя, не бывшій коноводомъ и старавшійся даже парализовать установленную княземъ Волконскимъ систему комплектованія квартирмейстерской части, учрежденіемъ Могилевской офицерской школы, былъ сторонникомъ преобладанія чисто строевого начала въ подготовкѣ офицеровъ генерального штаба. Математика, высшія военныя науки, общее образованіе,—все это, конечно, считалось, полезнымъ для офицера генерального штаба, но знаніе войскъ, знаніе строя и всѣхъ тонкостей фронтовой службы, Дибичъ, видимо, ставилъ на первомъ планѣ. Взглядъ этотъ выясняется изъ проектированнаго Дибичемъ положенія о Могилевской школѣ, изъ того вниманія, которое онъ обращалъ еще въ штабѣ первой арміи на привлеченіе квартирмейстерскихъ офицеровъ къ строевымъ занятіямъ, наконецъ, изъ той настойчивости, которою онъ, будучи уже начальникомъ главнаго штаба, употреблялъ для упроченія строевого образованія коноводныхъ. Естественно, что послѣ событій 14-го Декабря взглядъ этотъ еще болѣе долженъ былъ въ немъ укорениться, тѣмъ болѣе, что онъ вполне согласовался и съ видами Императора.

Вліяніе этихъ-то обстоятельствъ и не замедлило выразиться въ выборѣ новаго генераль-квартирмейстера на мѣсто Адеркаса, а также и въ послѣдовавшемъ вслѣдъ затѣмъ упищоженіи училища коноводныхъ.

Высочайшимъ приказомъ 7-го Апрѣля 1826 года, генераль-лейтенантъ Адеркасъ былъ уволенъ, по болѣзни, отъ службы, съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ, а 20-го Мая того же года назначенъ на его мѣсто генераль-квартирмейстеромъ главнаго Штаба Его Императорскаго Величества командиръ гусарской бригады, генераль-маіоръ графъ Павелъ Петровичъ Сухтеленъ 2-й, зачисленный вмѣстѣ съ тѣмъ въ квартирмейстерское вѣдомство.

Новый генераль-квартирмейстеръ, хотя и получалъ прекрасное воспитаніе, подъ непосредственнымъ руководствомъ своего отца, Петра Корниловича Сухтелена, хотя и началъ службу свою коноводомъ, а потомъ подпоручикомъ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, но затѣмъ по своей дальнейшей службѣ былъ вполне боевымъ и строевымъ кавалерійскимъ офицеромъ. Родившійся въ С.-Петербургѣ 23-го Августа 1788